

ФАКТОРЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В СТЕПЯХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ И УРБАНИЗАЦИЯ ПО-ХУННСКИ

С.А. Васютин

В статье рассматриваются основные факторы градостроительства в степях Внутренней Азии и предпринимается попытка охарактеризовать назначение хуннских археологических памятников с внешними признаками городищ (валы с воротами, платформы, постройки с черепичной крышей, «дорожки» и др.). Для выявления факторов урбанизации в кочевых объединениях Внутренней Азии были проведены исследования ряда периферийно-полупериферийных территорий в Евразии, где в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. происходило формирование крупных торговых поселений и ранних городов. В сравнительный анализ были включены близкие по уровню сложности социумы кочевого и оседлого характера. В результате обобщения экзогенных и эндогенных процессов, связанных с возникновением городов, удалось выявить специфичные факторы урбанизации в степных сообществах Внутренней Азии. Изучение трансформаций в хуннском обществе в период существования империи показало, что предпосылки для создания укрепленных поселений и городищ существовали, и отчасти они были реализованы. Однако большинство выявленных памятников с валами и платформами хуннского времени не были городами и выполняли иные неоднородные функции. Итоги исследования монгольско-корейской экспедицией городища Гуа-дов позволяют предполагать, что его строительство преследовало цель подражания ханьской столице и должно было буквально «подтверждать» равенство империй Хунну и Хань.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, кочевники, урбанизация, хунну.

Ядро внутринеазиатской территории составляют горно-степные и пустынные пространства современной Монголии, Джунгарии, монгольского и российского Алтая, Тувы, Хакасии, Забайкалья и западных предгорий Маньчжурии.

По характеру своего исторического положения Внутренняя Азия представляла собой регион с переходным мир-системным статусом:

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

E-mail: vasutin2012@list.ru

Vasyutin Sergey Alexandrovich, Dr. Sc., Head of the Department of World History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

от периферии до полупериферийного состояния с элементами цивилизационного центра в относительно короткие периоды (Уйгурский каганат в конце VIII — первой трети IX в.; Монгольская империя в 20—40-е гг. XIII в.). Наиболее типичной для Внутренней Азии была периферийная диспозиция по отношению к Китаю. В период возвышения кочевых империй их центр-периферийный статус мог меняться до уровня полупериферии Поднебесной.

Если учитывать эти особенности, нередко предпринимаемые сравнения экономического потенциала, уровня общественной и политической интеграции кочевого мира Внутренней Азии и китайской цивилизации, создание схем взаимодействия оседлого и степного миров далеко не всегда могут дать адекватный ответ о причинах тех или иных явлений в кочевой среде. Сосредоточенность исследователей на дихотомии «Китай — Степь», преимущественное объяснение политических процессов и экономического состояния кочевых сообществ регулярной и даже циклической зависимостью кочевого мира Внутренней Азии от подъёмов и спадов в истории Поднебесной (Lattimore 1940; Barfield 1989; Chase-Dunn, Hall 1997; и др.) принижает значимость других экономических, культурных и политических связей в евразийском пространстве. Зачастую в своих теоретических концепциях исследователи объединяют восточно-евразийские степи и территорию Среднего государства в замкнутое пространство с взаимозависимыми историческими процессами при определяющей роли китайского мир-системного центра.

В решении вопроса о специфике и факторах урбанизации во Внутренней Азии, на наш взгляд, нельзя ограничиваться обращением только к китайским градостроительным практикам, где города были органичным компонентом экономической, общественной, политической и культурной жизни Китая. Несмотря на указание в исторических источниках фактов строительства китайцами городов в степях (например, (Кляшторный 2010: 43, 65—66, 75—76)), применение китайских технологий при возведении крепостных стен и домов у хунну, уйгуров, киданей и монголов (Вайнштейн 1964: 109—110; Худяков 1995: 64—65; Данилов 2004: 61; Крадин и др. 2011: 25, 28; Васютин 2020: 165, 174, 189; и др.), следует рассмотреть опыт градостроительства на других периферийно-полупериферийных территориях с кочевым или оседлым населением.

Номады Внутренней Азии с I тыс. до н.э. по середину II тыс. н.э. преимущественно представляли собой разные типы сложных дословных обществ, для которых существовал порог социального усложнения. К исключительным случаям можно отнести несколько обществ, созданных кочевниками, в которых наиболее интенсивно для кочевой среды происходили процессы урбанизации. В первую очередь следует сказать об Уйгурском каганате, в состав которого

вошли разные племенные объединения кочевников, китайское и согдийское население. Развитие транзитной торговли Арабского халифата и Китая через территорию каганата, строительство городов и крепостей, появление в степи земледелия рядом с крупными городскими центрами уйгуров привели к усложнению общественно-политических практик, зарождению сословных элит, элементов раннего государства и фискального аппарата (Васютин 2011; 2012; 2020: 125, 163—178; Vasyutin 2015: 405—414; 2019: 106; и др.).

Отдельного слова заслуживает имперская политика, созданная киданями. В родовых землях киданей город Ханьчэн с китайским населением появился ещё до провозглашения империи Ляо. Его жители добывали соль и железо. Абаоцзи разрешил им построить «внешние и внутренние стены», дома и рынки, заниматься земледелием (Оуян Сю 1984: 187; Е Лун-ли 1979: 42, 348, комм. 11). В дальнейшем при Абаоцзи и его наследниках осуществлялись захваты в плен ханьского населения, поэтому китайские города и поселения распространились в родовых землях киданей, а городская инфраструктура с полиэтничным населением стала неотъемлемой частью киданьских владений (Оуян Сю 1984: 187). Кидани, объединив степные и земледельческие территории северо-восточного Китая, создали две администрации: одна управляла киданями и другими «варварами», другая — китайцами. Многочисленные китайские города первоначально подвергались грабежу и разорению, но со временем, когда был установлен контроль над китайскими провинциями, кидани стали рассматривать города как важнейший источник доходов казны и правящих кланов. Города включались в систему *ордо* — военно-административных и хозяйственных территорий, приписанных к дворцам киданьских политических элит. В состав жителей *ордо*, помимо киданей, включались зависимые группы кочевников, китайское население, рабы с целью обеспечения продовольствием, престижными вещами, оружием и обмундированием верховной знати, дворцовой гвардии и армейских подразделений (Wittfogel, Feng Chia-sheng 1949: 124, 191, 193—195, 440—442, 491, 565—566; Даньшин 2006: 25—26, 43—44, 72—73, 95—97; Крадин, Ивлиев 2014: 227, 231, 240; и др.). Свидетельством того, что городская жизнь прочно вошла в быт киданей, стало создание анклавов с городами и крепостями в долине р. Толы и Керулен в конце X — начале XI в. Как и в метрополии, киданям, сочетавшим кочевую и городскую жизнь, для организации ремесленного и сельскохозяйственного производства нужны были китайцы, бохайцы и уйгуры (Крадин 2011: 336—339; Крадин и др. 2011; Крадин и др. 2018: 169—202).

Третий пример — Монгольская империя в период между 1210-ми — концом 1250-х гг., когда в монгольских и забайкальских степях были возведены несколько городов, представлявших собой ставки, управленческие центры, места торговли и ремесленной деятельности.

Наиболее известны такие города, как Аварга (Аврага), Каракорум (Хархорин), Хирхириинское городище. Завоевания, захват имущества, дани, поборы, торговые пошлины создавали ресурсную базу для формирования управленческого аппарата и его постепенного разрастания, что вело к усложнению монгольского имперского сообщества (Крадин 2011: 339—348; 2021: 159—162; Крадин и др. 2018: 281—292).

Анализ примеров урбанизационных процессов в сложных несловных социумах за пределами Внутренней Азии, таких как кочевые объединения Семиречья и Северного Причерноморья, или в так называемых варварских обществах Западной и Северной Европы даёт возможность зафиксировать общие и особенные черты в зарождении крупных поселений и городов.

Примером возникновения в степях поселенческих объектов в середине I тыс. до н.э. были городища скифов в Северном Причерноморье. Располагаясь на периферии греко-римского мира и имея возможность контактов с населением греческих городов-колоний в Крыму и на побережье Чёрного моря, скифы были активными участниками обмена продукции степного и лесостепного происхождения на престижные вещи античного мира. В V—III вв. до н.э. у рек, чаще всего на границе степи и лесостепи, появляется несколько крупных поселенческих комплексов — Каменское, Бельское, Елизаветовское, Белозерское и другие городища. Хорошо известное Каменское городище представляло собой конгломерат из более чем десяти посёлков у переправы через Днепр. Материалы памятника свидетельствуют о развитии ремесла, металлургии, земледелия и торговли. Крупным центром торгового взаимодействия с античными городами в междуречье р. Воркслы и Сухая Грунь было Бельское городище / Гелон Геродота (VIII—III вв. до н.э.). На территории скифского Елизаветовского городища в Приазовье существовали две греческие колонии-эмпории. По существу, ранний город был важным торговым и ремесленным центром в Северо-Восточном Причерноморье. Интенсивность процесса формирования поселений демонстрирует Подонье, где в скифское время возникло около 50 стационарных памятников (Шрамко 1987; Гуляев 2011; Петров, Вдовиченко 2019: 50—52; и др.). Ключевыми факторами строительства городищ выступали влияние античных городов, торговля, потребности кочевников в оружии, престижных товарах, продуктах земледелия. Влияние этих факторов сыграло решающую роль в процессах урбанизации в Малой Скифии в Крыму, где выявлено около 100 поселений разных типов, относящихся к скифскому периоду II в. до н.э. — III в. н.э., включая крупный столичный центр — Неаполь Скифский (Высотская 1973; 1979; Зайцев 2003; Петров, Вдовиченко 2019: 55; и др.).

В середине I тыс. н.э. наблюдается зарождение городских центров в Семиречье. К VII—VIII вв. здесь возникли десятки городов, торговых

центров, укрепленных местечек, таких как Ак-Бешим, Красная Речка, Бурана, Актобе, Токмак, Тараз, Костобе, Луговое и др. (Байпаков 1986: 39—98; 1989: 338—340, 341—342; Петров 1981: 5, 112—120; Горячева 1983: 68, 103; Маршак, Распопова 1989: 423—425; и др.). Западные тюрки, тюргеши и другие племенные группы установили контроль над торговыми маршрутами Шёлкового пути в Западную Азию, Византию и Европу. Эти процессы предполагали адаптацию кочевников в городской среде. Связующим звеном были согдийцы, колонии которых располагались в монгольских степях во время существования всех тюркских империй. В какой-то мере урбанизации в Семиречье способствовали и отказ Персии от провоза шёлка по её территории, что вело к более активному использованию северных торговых участков Шёлкового пути (они возникли в древности, но их роль в Средние века значительно усилилась), проходивших через Семиречье, степи Казахстана, вдоль Южного Урала и северного побережья Каспийского моря. Отсюда товары уходили в византийские города через Кавказ и черноморские колонии, а также в Северную Европу по Волге. Каганат политически обеспечивал торговлю шёлком путём установления контроля над важными торговыми точками Шёлкового пути в Восточном Туркестане, Средней Азии, на Кавказе и в Причерноморье. В этих городах формировалась торговая инфраструктура — рынки, склады, караван-сарай, а также осуществлялась чеканка монеты по китайским образцам, развивалось строительное, гончарное, железоделательное ремесло (Васютин 2020: 160—161).

Не менее показательные процессы происходили в «варварском» раннесредневековом мире Западной и Северной Европы. В VI — середине VIII в. территории расселения скандинавов, англосаксов и даже франков в Галлии и германских землях, по существу, относились к периферийному пространству. К примеру, франки, осевшие в Нейстрии, на протяжении всего Меровингского периода оставались сельским обществом. Таковыми показывают рядовых франков многочисленные редакции «Салического закона». Даже короли не имели постоянных резиденций, предпочитая передвигаться с кортежем по своим владениям. Галло-римляне за счёт выплаты трибуты обеспечивали содержание франкских элит, а также выступали посредниками в торговле престижными товарами. Только при Каролингах в результате масштабных завоеваний и многочисленных торговых контактов со Средиземноморским миром началось возрождение бывших римских городов и появление новых поселений, постепенно получивших статус городов. Как правило, в континентальной части Европы развитию таких городов способствовало строительство бурга или основание епископства. Ранние города, расположенные на морском побережье Северного моря, на р. Маас, Рейн, Сена и др., становились центрами транзитной торговли, как фризский Дорестад.

В эпоху викингов активизация торговых связей Северной и Северо-Западной Европы с Арабским халифатом и Византией привела к формированию трансконтинентальных путей, проходивших через Восточную Европу и Скандинавию, что в свою очередь способствовало появлению в конце VIII—X вв. торговых викигов — Старая Ладога, Бирка, Ральсвик, Хедебю, Риббе и др. Активизируется и торговая деятельность на Британских островах, где одним из центров обмена становится Йорк. В столицах англосаксонских государств также появляются ремесленные и торговые кварталы.

Таким образом, на основе рассмотренных примеров мы можем выделить ряд факторов урбанизации в периферийно-полупериферийных зонах Евразии:

- торговля на дальние расстояния с использованием морских и речных маршрутов;
- запросы элит на престижные товары;
- сырьевые и человеческие ресурсы периферии и полупериферии, востребованные имперскими центрами;
- трансформация сельскохозяйственной основы (переход от переменной системы землепользования к двуполью, затем к трёхполью и севообороту; повышение урожайности; большее разнообразие сельскохозяйственной продукции; колонизация и др.);
- формирование необходимого ассортимента ремесленной продукции и ремесленная специализация;
- начало трансформации городской среды (появление городских ремесленников и местных торговцев; зарождение городских страт и новых социальных связей; участие в управлении/самоуправлении и др.);
- постепенное зарождение системы обмена между городом и сельской местностью.

Эти тенденции можно назвать общими, прежде всего, для Малой Скифии, Скандинавии, англосаксонских королевств, франкской державы при Каролингах. В Семиречье важную роль играли агенты торговых корпораций — согдийцы, которые обладали необходимым опытом организации городской жизни и торговли, что позволяло кочевым элитам и рядовымномадам проще адаптироваться к городской жизни, хотя первые поколения таких кочевников, как правило, продолжали участвовать в выпасе скота, располагали свои юрты рядом с городскими стенами, хоронили умерших не на городских кладбищах, а в родовых землях. Но постепенно заинтересованность номадов в контроле над доходами от торговли, налогов и пошлин, комфортность городской жизни, продажа и приобретение продукции на городских рынках вели к тому, что кочевой сегмент населения городов Семиречья рос.

Возвращаясь к особенностям градостроительства в номадных сообществах Внутренней Азии, следует подчеркнуть особую значимость

не только торговли, но и внеэкономических факторов. Примеры Уйгурского каганата, Ляо и Монгольской империи, а также Хуннской политики в этом отношении наглядны:

- появление наряду с Китаем и Индией нового мощного торгово-экономического и военно-политического центра с большим профицитом бюджета и большим запросом на товары, рабов и т.д.;
- аномальное (по военно-политическим причинам) смещение в степь торговых путей (Уйгурский каганат);
- наличие в степи адаптированных к степным условиям торгово-земледельческих этнических страт: согдийцы, ханьцы, бохайцы и др. (империя Хунну, Уйгурский каганат, Ляо, Монгольская империя в доюаньский период);
- формирование столичного городского центра и сети других городских поселений и крепостей, развитие ремесла, сельского хозяйства, появление новых фискальных практик, информационно-торговой службы, караван-сараев для отдыха торговцев и чиновников (Уйгурский каганат, Монгольская империя);
- в Уйгурском каганате можно говорить о формировании иерархии городских центров: столица — региональные административные центры — провинциальные города — крепости и укрепленные поселения;
- интеграционный и экономический подъём в Китае (империя Хунну);
- превращение степного пространства в центр мировой империи, обильные поступления престижных и повседневных товаров, ремесленников, рабов, с постоянно растущим потреблением всех ресурсов элитами;
- потребность в системе оборонительных (фортификационная теория) и административных пунктов для противостояния с северными номадами (Уйгурский каганат, Ляо);
- развитие сельского хозяйства в степном пространстве рядом со столичным или крупным региональным городским центром (Уйгурский каганат, Ляо);
- другой вариант подъёма сельскохозяйственной деятельности — это создание поселений для оседлого населения (в первую очередь китайцев) на северных территориях кочевой империи с более благоприятными природно-климатическими условиями (империя Хунну);
- постепенная адаптация части кочевых элит и отдельных групп кочевого населения к городскому образу жизни (Ляо, Монгольская империя);
- появление городов-универсумов (производство, торговля, военно-административный центр).

Говоря о «городищах» империи Хунну, в первую очередь необходимо различать поселения, в которых в ходе археологических

исследований, помимо фортификации и строительных материалов, выявлены жилища, костные останки животных, разнообразные артефакты. Вторую группу составляют памятники с внешними признаками городищ (валы с воротами, платформы, постройки с черепичной крышей, «дорожки» и др.), но без сохранившихся следов проживания населения, без культурного слоя.

К первой группе прежде всего стоит отнести Иволгинское городище с предполагаемым населением более 2,5 тыс. человек, развитым ремеслом, сельскохозяйственной деятельностью, рыболовством, охотой и другими промыслами. Состав населения Иволгинского городища включал выходцев из Китая, что во многом объясняет происхождение города и уровень его экономического развития. Городище площадью около 75 тыс. км² имело фортификационную систему из 4 валов и 3 рвов между ними. Наряду с жилищами разных размеров на территории памятника выделяется несколько административных зданий — свидетельство существования системы управления городом (Данилов 2004: 35—37; Крадин 2011: 333—334; 2020: 89—96; Крадин и др. 2018а: 237; Крадин и др. 2020: 45; и др.). Также небольшой укрепленный комплекс (70 × 70 м) с жилищами был выявлен в местности Баян-ундэр в Забайкалье на берегу р. Джиды (Данилов 2004: 37—38; Крадин и др. 2020: 45). Георадиолокационные исследования, проведенные на данном памятнике, позволили выявить сложную фортификационную структуру городища Баян-ундэр (Бессонова и др. 2020). Пока не совсем ясно, имеется ли культурный слой на городище Дов Дэрс в Монголии (Булганский аймак в бассейне Орхона), где в траншее были найдены 4 фрагмента керамики (Ochir, Tserenbyamba 2020). Но на основании результатов исследования мы включаем данное городище в первую группу.

Также в первую группу входят поселения разных размеров без фортификации — Дурены, Нижний Маргинтуй и Бороо гол. Наличие жилищ с канами иволгинского типа, разнообразных артефактов, свидетельств ремесленной и земледельческой деятельности, детских захоронений в сосудах даёт основание предположить, что среди их жителей тоже были представлены выходцы из Китая (Данилов 2004: 38; Коновалов и др. 2016: 12—16; Крадин 2020: 84; Крадин и др. 2020: 44; Миягашев, Базаров 2020).

В эту группу следует включить города Туй-дан (Таскин 1968: 68, 155, прим. 30) и Чжао Сянь (Таскин 1968: 91, 165, прим. 30), которые упоминаются в китайских источниках, и на данный момент отсутствуют основания не доверять этим сведениям. Вопрос о соотношении данных городов с известными хуннскими городищами остаётся нерешённым.

Вторую группу составляют возникшие во времена великих шаньюев в бассейнах Орхона и Керулена «квазигородища» с валами, платформами, строениями с черепичными крышами, соединяющими

платформы «дорожками». К ним относятся Ундэр-дов, Бурхийн-дурвулжин, Байшинтийн-дэрс, Тэрэлжийн-дурвулжин, Барс-хот II, Хурээт-дов и др. Их отличительной особенностью, как уже отмечалось, является отсутствие культурного слоя. Это исключает различные интерпретации данных памятников как ставок (*оуго*) шаньюя или сезонных стоянок глав знатных хуннских кланов. Учитывая, что строительством таких городищ занимались выходцы из разных районов Китая, определённую схожесть памятников, речь, скорее всего, может идти о сооружении городищ по распоряжению шаньюя и под контролем его представителей. В китайских хрониках сохранилось сообщение о начале строительства при шаньюе Хуянь-ти (Хуяньди, 68—60 гг. до н.э.) колодцев, «окружённых стенами городов», и башен для хранения зерна. Однако строительство не было доведено до конца, поскольку один из советников хуннского правителя убедил его, что хунну не умеют оборонять города (Таскин 1973: 23—24, 138, прим. 24). Возможно, что ряд уже построенных городищ не был заселён ни хуннами, ни китайцами, которых предпочитали отправлять в поселения в северных районах империи, откуда было сложнее «сбежать в родные земли» (Миягашев, Базаров 2020: 120).

Высказанное в совместной статье Н.Н. Крадиным, А.Л. Ивлиевым, С.А. Васютиным, Е.В. Ковычевым, А.В. Харинским и Л. Эрдэнэболдом мнение, согласно которому данные комплексы «могли быть, например, заупокойными храмами, построенными в честь представителей хуннской элиты — шаньюев и других знатных лиц» (Крадин и др. 2020: 52), может выступать рабочей гипотезой, если в процессе раскопок платформ будут найдены специальные площадки для проведения поминальных церемоний, следы тризн (возможно, за пределами территории городищ). Если подобные поминально-тризновые мероприятия проводились регулярно, должны сохраниться свидетельства их проведения, что можно выяснить только в ходе дальнейших работ.

Отдельно стоит сказать о памятнике Гуа-дов. В ходе раскопок совместной монгольско-корейской экспедиции в 2013—2015 гг. была выявлена сложная конструкция двухэтажных ворот с въездом для повозок и всадников и отдельными проходами для пешеходов. Эти ворота являлись аналогами внутренних императорских ворот в столице Хань Чаньани и дворца вана Генбук (Корея). Вместо вала городище окружала столбчатая галерея с крышей, покрытой черепицей. По её центру можно было прокатиться на повозке. В северо-западной части городища Гуа-дов располагался дворцовый комплекс с искусственным прудом. Памятник датируется концом II в. до н.э. — I в. н.э. и характеризуется как летний дворец «одного из аристократов государства Хунну» (Эрэгзэн 2020: 63—77).

Очевидно, что Гуа-дов не мог выступать заупокойным храмом хунну, поскольку его строения (ворота, стена-галерея, «дворец») подражали

китайской и корейской императорской архитектуре и несли совершенно иные смыслы. Не исключено, что и другие крупные городища в Монголии «воспроизводили» ханьские столичные строения. В этом контексте и должна осуществляться трактовка ряда городищ второй группы. Городище Гуа-дов, по нашему мнению, должно было подтверждать заявленное «равенство друг другу государств» Хань и Сюнну (Таскин 1968: 48). Не исключено, что в Гуа-дове планировались приёмы послов из Хань, но в реальности данное городище оказалось не востребованным хуннской элитой.

Империя Хунну обладала большим потенциалом для строительства и развития городов. Главным ресурсом было китайское население. Ещё в период создания Хань в степь бежали её противники, на сторону хунну часто переходили военачальники со своими солдатами. Но самое значительное число жителей Поднебесной хунну уводили с собой во время набегов (Таскин 1968: 42, 47, 49, 51, 53–54, 58, 60, 81–82, 89, 101–102; 1973: 20, 25, 60; Крадин 2020: 159–161; и др.). Археологические данные позволяют обоснованно говорить о том, что труд китайцев использовался для обеспечения хунну продовольствием и ремесленной продукцией. Это касается как строительства городищ второй группы, так и хозяйственной деятельности выходцев из Китая в поселениях на территории северных владений хунну.

Ещё одним важным ресурсом для хунну могли стать получаемые из Хань дары — шёлк и другие престижные товары. Хунну, сумевшие разбить юэчжей и стремящиеся подчинить расположенные к западу племена усуней, лоуланей, хуцзе и других народов, потенциально могли включиться в евразийскую торговлю. Однако в вопросе развития торгово-экономических связей со среднеазиатскими государствами хунну были оттеснены Хань на второй план, после того как китайские армии захватили города Восточного Туркестана. Таким образом, торговый фактор не оказал всестороннего влияния на развитие урбанизации в империи Хунну. Также важно отметить, что для участия в трансконтинентальной торговле или осуществления постоянного контроля за отдельными участками Шёлкового пути кочевым элитам были необходимы специальные страты («агенты») купеческих корпораций из городов Согдианы, которые могли организовать посредническую торговлю шёлком с большой прибылью для шаньюя и его окружения. Отчасти это компенсировалось распространением «высокой культуры» хунну в степном пространстве Внутренней Азии (Миллер 2019: 86–88).

В целом в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. на разных периферийных пространствах наблюдается зарождение крупных поселений и городищ, постепенно приобретающих признаки городов. Урбанизация, несомненно, один из важнейших факторов усложнения хозяйственной деятельности и общественной структуры (Крадин 2021: 149–154,

158—168). Для кочевников Внутренней Азии решающими обстоятельствами были военно-политическая интеграция имперского типа, участие в транзитной торговле и наличие в степи страт оседлого населения. Именно градостроительство наряду с возникновением кочевой империи выводило периферийную территорию на более высокие уровни — полупериферии (Уйгурский каганат, империя Ляо) или полупереферии с отдельными элементами мир-системного центра (Монгольская империя).

Империя Хунну как первая кочевая империя в степях Внутренней Азии обладала большим потенциалом для градостроительства. В степях Монголии и Забайкалья по разным причинам оказалось большое количество китайского населения. Выходцы из Среднего государства строили городища, развивали ремесло и сельское хозяйство. В случае с Иволгинским городищем можно говорить о городе по целому ряду параметров: хозяйственная деятельность, фортификация, наличие административной структуры. Хуннские элиты получали престижные товары (шёлк, зерно, оружие), которые являлись ресурсами для международной торговли. Однако стратегически первенство на маршрутах Шёлкового пути в его восточной части захватил Китай, а торговля престижными товарами земледельцев в степном пространстве не была такой интенсивной, как в Средние века. К тому же отсутствуют сведения о том, что на территории империи Хунну действовали агенты этнических купеческих корпораций, способные организовать торговлю на дальние расстояния. Существовал альтернативный вариант товарного оборота: по мере утверждения господства хунну во Внутренней Азии в степи приобрели популярность престижные вещи «высокой культуры» хуннской элиты. В свою очередь это стимулировало выпуск ремесленной продукции в кочевой империи.

Обладая необходимыми ресурсами, хунну создали во II в. до н.э. сеть городищ в родовых землях бассейнов Керулена и Орхона. Эти «городища с валами», включённые во вторую группу поселенческих центров, не переросли в города по нескольким причинам. Во-первых, строили их по политическому заказу шаньюя с разными намерениями, в том числе, как показал пример с городищем Гуа-дов, в целях поднятия престижа самой империи Хунну и доказательства её «равенства» государству Хань. Во-вторых, трансформация этих городищ в города не произошла, поскольку хуннские элиты осознали их невосребованность для самих кочевников и невозможность оборонять их в случае нападения Китая. В-третьих, данные «городища с валами» не стали торговыми центрами, поскольку империя Хунну была слабо включена в систему международной евразийской торговли престижными китайскими товарами.

Альтернативой городищам второй группы стали Иволгинское городище (город) и целый ряд городищ без укреплений (Дурены,

Нижний Маргинтуй и Бороо гол), расположенных в северных владениях хунну, в составе населения которых преобладали выходцы из Поднебесной. Контролирующие функции на севере империи могло выполнять укреплённое поселение Баян-ундэр, где находилась ставка наместника. Эти поселенческие центры удовлетворяли запросы хуннской знати в ремесленной и сельскохозяйственной продукции. Престижные ремесленные товары «высокой культуры» хунну стали популярными среди племенных элит Внутренней Азии, что создавало свою систему товарообмена в степном пространстве. Северные городища были неуязвимы для китайских армий, которые с конца II в. до н.э. стали осуществлять регулярные рейды в земли хунну. Расположение городищ первой группы в Забайкалье минимизировало возможности китайского населения совершать побеги на родину.

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков К.М. 1986. *Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.)*. Алма-Ата: Наука.
- Байпаков К.М. 1989. Город и степь в эпоху средневековья (по материалам Южного Казахстана и Семиречья). *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций* / отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: Наука, 336—345.
- Бессонова Е.А., Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А. 2020. Особенности пространственной организации городища Баян-Ундэр (по результатам георадиолокации). *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. № 2, 136—151.
- Вайнштейн С.И. 1964. Древний Пор-Бажин. *Советская этнография*. № 6, 105—111.
- Васютин С.А. 2011. Трансформация властных институтов уйгуров в период раннего средневековья: от племенной политики к государству. *Вестник ТГУ. История*. № 1 (13), 99—102.
- Васютин С.А. 2012. Культурная трансформация северной «варварской» периферии китайской цивилизации (на примере Уйгурского каганата). *Цивилизация и варварство* / отв. ред. В.П. Буданова. М.: Наука, 109—128.
- Васютин С.А. 2020. *Кочевники Внутренней Азии VI — начала XII века в глобальной истории*. Иркутск: Оттиск.
- Высотская Т.Н. 1973. *Скифские городища*. Симферополь: Таврия.
- Высотская Т.Н. 1979. *Неаполь — столица государства поздних скифов*. Киев: Наукова думка.
- Горячева О.Д. 1983. *Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан)*. Фрунзе: Илим.
- Гуляев В.И. 2011. Древности скифской эпохи лесостепного Подонья: новые находки и открытия. «*Terra Scythica*»: *Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 45—52.
- Данилов С.В. 2004. *Города в кочевых обществах Центральной Азии*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

- Даньшин А.В. 2006. *Государство и право киданьской империи Великое Ляо*. Кемерово: Кемеровский институт (филиал) ГОУ ВПО «РГТУ»; Кузбассвуиздат.
- Е Лун-ли 1979. *История государства киданей (Цидань го чжи)* / пер. с кит., введ., коммент., прилож. В.С. Таскин. М.: Наука. ГРВЛ.
- Зайцев Ю.П. 2003. *Неаполь скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.)*. Симферополь: Универсум.
- Кляшторный С.Г. 2010. *Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей*. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Коновалов П.Б., Базаров Б.А., Миягашев Д.А., Клементьев А.М., Именохов Н.В. 2016. Хуннская археология в Бурятии: история и новый этап исследований. *Вестник БНЦ СО РАН*. № 1, 9–26.
- Крадин Н.Н. 2011. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей. *Средние века*. № 72 (1–2), 330–351.
- Крадин Н.Н. 2020. *Империя Хунну*. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Олега Абышко.
- Крадин Н.Н. 2021. *Происхождение неравенства, цивилизации и государства*. СПб.: Изд-во Олега Абышко.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л. 2011. *Киданьский город Чинтолгой балгас* / отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. 2014. *История киданьской империи Ляо (907–1125)*. М.: Наука — Восточная литература.
- Крадин Н.Н., Асташенкова Е.В., Бакшеева С.Е., Гельман Е.И., Гридасова И.В., Ивлиев А.Л., Ключев Н.А., Пискарева Я.Е., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А. 2018. *Города средневековых империй Дальнего Востока* / отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: ИВЛ.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Васютин С.А. 2018а. Империя Хунну и начала степной урбанизации. *Труды ИВ РАН. Вып. 7. Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры*. М.: ИВ РАН, 226–240.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Васютин С.А., Ковычев Е.В., Харинский А.В., Эрдэнэболд Л. 2020. Тэрэлжийн-Дурвулжин и другие хуннские городища в Монголии: особенности функциональной интерпретации. *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. № 2, 42–56.
- Маршак Б.И., Распопова В.И. 1989. *Кочевники и Согд. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Алма-Ата: Наука, 416–426.
- Миллер Б. 2019. Империя Хунну. *Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики* / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука — Восточная литература, 75–92.
- Миягашев Д.А., Базаров Б.А. 2020. Нижнемангиртуйское поселение и вопросы появления оседлых комплексов хунну в Забайкалье. *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. № 2, 107–124.
- Оуян Сю 1984. *Записи по истории Пяти династий. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху* / введ., перевод и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 185–215.
- Петров К.И. 1981. *Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII вв.* Фрунзе: Илим.
- Петров М.А., Вдовиченко Е.В. 2019. Скифская держава. *Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики* / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука — Восточная литература, 48–74.
- Таскин В.С. 1968. *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Вып. 1. М.: Наука.

- Таскин В.С. 1973. *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Вып. 2. М.: Наука.
- Худяков Ю.С. 1995. Древние и средневековые фортификационные сооружения в Южной Сибири и Центральной Азии. *Военное дело и средневековая археология Центральной Азии*. Кемерово: КемГУ, 62—73.
- Шрамко Б.А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка.
- Эрэгзэн Г. 2020. Конструктивные особенности хуннского городища Гуа-Дов. *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. № 2, 57—81.
- Barfield T. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell.
- Chase-Dunn Chr., Hall T. 1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems* Boulder. Colorado: Westview Press.
- Lattimore O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York; London: American Geographical Society, Oxford University Press.
- Ochir A., Tserenbyamba Kh. 2020. Some Results of the Preliminary Research on the Ruins, Dov Ders. *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. № 2, 125—135.
- Vasyutin S.A. 2015. The Model of the Political Transformation of the Dao Liao as an Alternative to the Evolution of the Structures of Authority in the Early Medieval Pastoral Empires of Mongolia. *Complexity of Interaction Along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE* / J. Bemann, M. Schmauder, U. Brosseder, S. Reichert, T. Stickler (eds.). Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 391—437. (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 7)
- Vasyutin S.A. 2019. Political Complexity in Nomadic Empires of Inner Asia. *Social Evolution & History*. Vol. 18. No. 2, 92—114.
- Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng 1949. *History of Chinese Society. Liao (907—1125)*. Philadelphia: American Philosophical Society.

URBAN PLANNING FACTORS IN STEPPES OF INNER ASIA AND HUN WAY URBANIZATION

S.A. Vasyutin

The article deals with the main factors of urban planning in Inner Asia steppes and tries to outline the meaning of Hun archaeological sites which looked like fortified settlements (earthworks with fences, platforms, tiled roofed constructions, “paths”, etc.). To find urbanization factors in nomadic units of Inner Asia, researches of a range of periphery and semi-periphery territories in Eurasia have been led wherein I millinery BC — I millinery AD a large commercial settlements and early towns developed. The comparative study includes the difficulties of nomadic and settled societies with a similar level. The generalization of exogenous and endogenous processes associated with town emergence has allowed us to find specific urbanization factors in steppe societies of Inner Asia. The study of transformations in Hun society of imperial period has shown that the background for fortified settlements and towns building had existed and were partly realized. However, most found

sites with ramparts and platforms of Hun period were not towns and had other heterogeneous functions. The study results of Mongolian-Korean expedition in Gua Dov allow us to suggest that it was an imitation of the Han capital and had to literally “prove” the equality of Xiongnu and Han.

Keywords: Inner Asia, Nomads, Urbanization, Xiongnu.

REFERENCES

- Baypakov K.M. 1986. *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ya (VI — nachalo XIII v.)* [Medieval Urban Culture of South Kazakhstan and Semirechye (VII — Beginning of XIII Century)]. Alma-Ata: Nauka.
- Baypakov K.M. 1989. *Gorod i step' v epokhu srednevekov'ya (po materialam Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ya)* [The City and the Steppe in the Middle Ages (from the Materials of South Kazakhstan and Semirechye)]. *Vzaimodeystvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsiy* [Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations]. Alma-Ata: Nauka, 336—345.
- Bessonova E.A., Bazarov B.A., Imenokhoyev N.V., Miyagashev D.A. 2020. Osobennosti prostranstvennoy organizatsii gorodishcha Bayan-Under (po rezul'tatam geolo-katsii [Features of the Spatial Organization of the Bayan Under Hillfort (Based on the GPR Results)]. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, no. 2, 136—151.
- Vaynshteyn S.I. 1964. *Drevniy Por-Bazhin* [Ancient Por-Bazhin]. *Sovetskaya etnografya*, no. 6, 105—111.
- Vasyutin S.A. 2011. Transformatsiya vlastnykh institutov uygurov v period ranne-go srednevekov'ya: ot plemennoy politii k gosudarstvu [The Transformation of Uyghur Power Institutions in the Early Middle Ages: from Tribal Politics to the State]. *Vestnik TGU. Istoriya*, no. no. 1 (13), 99—102.
- Vasyutin S.A. 2012. Kul'turnaya transformatsiya severnoy «varvarskoy» periferii kitayskoy tsivilizatsii (na primere Uygurskogo kaganata) [The Cultural Transformation of the Northern “Barbarian” Periphery of Chinese Civilization (by the example of the Uyghur Khaganate)]. *Tsivilizatsiya i varvarstvo* [Civilization and Barbarism]. Executive ed. V.P. Budanova. Moscow: Nauka, 109—128.
- Vasyutin S.A. 2020. *Kochevniki Vnutrenney Azii VI — nachala XII veka v global'noy istorii* [Nomads of Inner Asia in VI — Early XII Centuries in the Global History]. Irkutsk: Ottisk.
- Vysotskaya T.N. 1973. *Skifskie gorodishcha* [Scythian Settlements]. Simferopol': Tavriya.
- Vysotskaya T.N. 1979. *Neapol' — stolitsa gosudarstva pozdnykh skifov* [Naples is Capital of the States of the Late Scythians]. Kiev: Naukova dumka.
- Goryacheva O.D. 1983. *Srednevekovye gorodskie tsenry i arkhitekturnye ansambli Kirgizii (Burana, Uzgen, Safid-Bulan)* [Medieval Urban Centers and Architectural Ensembles of Kyrgyzstan (Burana, Uzgen, Safid-Bulan)]. Frunze: Ilim.
- Gulyaev V.I. 2011. *Drevnosti skifskoy epokhi lesostepnogo Podon'ya: novye nakhodki i otkrytiya* [Antiquities of the Scythian Era of the Forest-Steppe Don Region: New Findings and Discoveries]. «Terra Scythica»: *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma «Terra Scythica»* [Materials of the International Symposium “Terra Scythica”]. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 45—52.
- Danilov S.V. 2004. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noy Azii* [Towns in the Nomadic Societies of Central Asia]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN.

- Dan'shin A.V. 2006. *Gosudarstvo i pravo kidan'skoy imperii Velikoe Lyao* [State and Law of the Great Liao Khitan Empire]. Kemerovo: Kemerovskiy institute (filial) GOU VPO «PGTU»; Kuzbassvuzizdat.
- E Lun-li 1979. *Istoriya gosugarstva kidaney (Tsidan' go chzhi)* [History of the Khitan State]. Translation from Chinese, introduction, comments, applications by V.S. Taskin. Moscow: Nauka. GRVL.
- Zaytsev Yu.P. 2003. *Neapol' skifskiy (II v. do n. e. — III v. n. e.)* [Scythian Naples (II Century BC — III Century AD)]. Simferopol': Universum.
- Klyashpornyy S.G. 2010. *Runicheskie pamyatniki Uyghurskogo kaganata i istoriya evraziyskikh stepey* [Runic Inscriptions of Uyghur Khaganate and History of Eurasian Steppes]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Konovalov P.B., Bazarov B.A., Miyagashev D.A., Klement'ev A.M., Imenokhiov N.V. 2016. *Khunnskaya arkheologiya v Buryatii: istoriya i novyy etap issledovaniy* [Archaeology of Xiongnu in Buryatia: History and New Stage of Research]. *Vestnik BNTs SO RAN*, no. 1, 9–26.
- Kradin N.N. 2011. *Goroda v srednevekovykh kochevykh imperiyakh mongol'skikh stepey* [Medieval Towns of Nomadic Empires of Mongolian Steppes]. *Srednie veka*, no. 72 (1–2), 330–351.
- Kradin N.N. 2020. *Imperiya Khunnu* [The Xiongnu Empire]. 4th ed., revis. and enlarg. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko.
- Kradin N.N. 2021. *Proiskhozhdenie neravenstva, tsivilizatsii i gosudarstva* [The Origins of Inequality, Civilization and the State]. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko.
- Kradin N.N., Ivliev A.L., Ochir A., Vasyutin S.A., Danilov S.V., Nikitin Yu.G., Erdenebold L. 2011. *Kidan'skiy gorod Chintolgoy balgas* [Khitan City of Chintolgoi Balgas]. Executive ed. N.N. Kradin. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Kradin N.N., Ivliev A.L. 2014. *Istoriya kidan'skoy imperii Lyao (907–1125)* [History of the Khitan Empire of Liao (907–1125)]. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura.
- Kradin N.N., Astashenkova E.V., Baksheeva S.E., Gel'man E.I., Gridasova I.V., Ivliev A.L., Klyuev N.A., Piskareva Ya.E., Prokopets S.D., Sergusheva E.A. 2018. *Goroga srednevekovykh inperiy Dal'nego Vostoka* [Cities of Medieval Empires of the Far East]. Executive ed. N.N. Kradin. Moscow: IVL.
- Kradin N.N., Ivliev A.L., Vasyutin S.A. 2018a. *Imperiya Khunnu i nachala stepnoy urbanizatsii* [Xiongnu Empire and Beginning of the Steppe Urbanization]. *Trudy IV RAN. T. 7. Tyurkskie kochevniki v Azii i Evrope: tsivilizatsionnye aspekty istorii i kul'tury* [Proceedings of the Institute for Oriental Studies RAS, vol. 7. Turks Nomads of Asia and Europe: Civilizational Aspects of History and Culture]. Moscow: IV RAN, 226–240.
- Kradin N.N., Ivliev A.L., Vasyutin S.A., Kovychev E.V., Kharinskiy A.V., Erdenebold L. 2020. *Terelzhyn-Durvulzhin i drugie khunnskie gorodishcha v Mongolii: osobennosti funktsional'noy interpretatsii* [Terelzhin Durvulzhin and Others Fortress of Xiongnu in Mongolia: Peculiarities of Functional Interpretation]. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, no. 2, 42–56.
- Marshak B.I., Raspopova V.I. 1989. *Kochevniki i Sogd* [Nomads and Sogd]. *Vzaimodeystvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsiy* [Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations]. Alma-Ata: Nauka, 416–426.
- Miller B. 2019. *Imperiya Khunnu* [The Xiongnu Empire]. *Kochevye imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoy dinamiki* [Nomadic Empires of Eurasia: Features of Historical Dynamics]. Executive ed. B.V. Bazarov, N.N. Kradin. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura, 75–92.

- Miyagashev D.A., Bazarov B.A. 2020. Nizhnemangirtuyskoe poselenie i voprosy poyavleniya osedlykh kompleksov khunnu v Zabaykal'e [Mangirtuy Settlement and Emergence of Sedentary Complexes at Xiongnu in Western Transbaikalia]. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, no. 2, 107–124.
- Ouyan Syu 1984. Zapisi po istorii Pyati dinastiy [Notes on the History of the Five Dynasties]. *Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu* [Materials on the History of the Ancient Nomadic Peoples Donghu]. Introduction, translation and comments by V.S. Taskin. Moscow: Nauka, 185–215.
- Petrov K.I. 1981. *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Kirgizii VI — nachala XIII v.* [Essays on the Socio-Economic History of Kyrgyzstan VI — early XIII Centuries]. Frunze: Ilim.
- Petrov M.A., Vdovichenko E.V. 2019. Skifskaya derzhava [Scythian Power]. *Kochevye imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoy dinamiki* [Nomadic Empires of Eurasia: Features of Historical Dynamics]. Executive ed. B.V. Bazarov, N.N. Kradin. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura, 48–74.
- Taskin V.S. 1968. *Materialy po istorii syunnu (po kitayskim istochnikam)* [The Materials on the History of the Xiongnu (According to Chinese Sources)]. Iss. 1. Moscow: Nauka.
- Taskin V.S. 1973. *Materialy po istorii syunnu (po kitayskim istochnikam)* [The Materials on the History of the Xiongnu (According to Chinese Sources)]. Iss. 2. Moscow: Nauka.
- Khudyakov Yu.S. 1995. Drevnie i srednevekovyie fortifikatsionnye sooruzheniya v Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Ancient and Medieval Fortifications in Southern Siberia and Central Asia]. *Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noy Azii* [Military Affairs and Medieval Archaeology of Central Asia]. Kemerovo: KemGU, 62–73.
- Shramko B.A. 1987. *Bel'skoe gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon)* [Belskoye Settlement of the Scythian Era (the City of Gelon)]. Kiev: Naukova dumka.
- Eregzen G. 2020. Konstruktivnye osobennosti khunnskogo gorodishcha Gua-Dov [Constructive Features of the Xiongnu Town Gua Dov]. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, no. 2, 57–81.
- Barfield T. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell.
- Chase-Dunn Chr., Hall T. 1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems* Boulder. Colorado: Westview Press.
- Lattimore O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York; London: American Geographical Society, Oxford University Press.
- Ochir A., Tserenbyamba Kh. 2020. Some Results of the Preliminary Research on the Ruins, Dov Ders. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, no. 2, 125–135.
- Vasyutin S.A. 2015. The Model of the Political Transformation of the Dao Liao as an Alternative to the Evolution of the Structures of Authority in the Early Medieval Pastoral Empires of Mongolia. *Complexity of Interaction Along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE* / J. Bemann, M. Schmauder, U. Broseder, S. Reichert, T. Stickler (eds.). Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 391–437. (Bonn Contributions to Asian Archaeology, vol. 7)
- Vasyutin S.A. 2019. Political Complexity in Nomadic Empires of Inner Asia. *Social Evolution & History*. Vol. 18, no. 2, 92–114.
- Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng 1949. *History of Chinese Society. Liao (907–1125)*. Philadelphia: American Philosophical Society.

Дата поступления в редакцию 15.09.2022